

2009.

В.Н. Попова
(УрГУ, Екатеринбург)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРАЗДНИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Важной методологической посылкой при изучении сущности праздника является различие между историей и мифом, различие между фактами и памятью. Любое припоминание истории уже до некоторой степени обретает мифологическую окраску, поскольку проходит через индивидуальное, субъективное сознание, обусловленное, в свою очередь, коллективным сознанием и историко-культурным контекстом. Каковы бы ни были факты, важно выяснить не то, как было на самом деле, а почему именно те или иные события остаются в памяти культуры и почему именно в такой форме они закрепляются в памяти людей – носителей культуры. Истинность воспоминания при этом предопределена идентичностью, которая формируется культурной памятью.

«Проживая» мифы, мы выходим из времени хронологического, светского и вступаем в пределы качественно другого времени, времени «сакрального», одновременно исходного, первоначального и в то же время бесконечно повторяющегося» [1, с. 23]. Миф как одна из несущих конструкций культуры, безусловно, является одним из структурообразующих элементов праздничной культуры. Мифологизация праздника при этом является основой и истоком его сакрализации. В.Н. Топоров писал, что наиболее часто праздник мотивируется мифом – событие, рассказываемое в мифе, рассматривается как прецедент, отмечаемый соответствующим праздником, в котором может воспроизводиться, в частности, и сам этот миф.

«Праздник предстает как актуализация первых времен мироздания, изначальной эры великого творения, когда все вещи, живые существа, социальные институты сложились в своей традиционной и окончательной форме. Это та самая эпоха, когда жили и действовали божественные прародители, чью историю рассказывают в мифах» [2, с. 223]. «Новое погружение в вечность», которое происходит во время праздника, дает обществу возможность омолодиться, противостоять времени и обветшанию за счет воспоминания о «золотом веке» и проведения параллелей с ним в настоящее. Немаловажное значение

при этом обретают «места памяти» (термин П. Нора) – праздники зачастую проводятся в пространстве, также наделенном сакральной силой. Так, религиозные праздники разворачиваются в храмах, святынях, праздники XX века, посвященные революции, – на площадях, праздники, призванные воскресить в памяти воспоминания о военных победах, – на местах сражений либо же около собственно памятников, символизирующих данные победы. Таким образом, пространство обретает мифический характер, «места памяти» становятся вехами, напоминающими о героях и их деяниях. Поль Рикер называет эти метки для памяти «указателями, призванными защищать от забвения» [3, с. 65].

Актуализация мифического прошлого происходит не только за счет нахождения в географическом пространстве или за счет воспоминания о событии. Чтобы вызвать в настоящем мифические образы, применяются самые различные приемы. С развитием технических средств передачи информации появилась возможность транслировать ее чрезвычайно широко. Если речь идет о памятных военных датах, то реализуется это и за счет показа хроник, и за счет съемки фильмов – новых «подтверждений» мифических событий. Кроме того, как и в первобытном празднике, мифическое время и мифические герои «оживают» за счет перевоплощения живых носителей культурной памяти в своих умерших предков; яркий пример тому – театрализованные представления, инсценировки, разыгрывания событий прошлого. Роже Кайуа отмечает, что во время праздничного взрыва гражданские и административные власти «частично или полностью теряют свой авторитет, уступая его не столько регулярной касте священнослужителей, сколько тайным обществам или же выходцам с того света – лицедеям в масках, олицетворяющим богов или покойников» [2, с. 278]. До некоторой степени это актуально и для более поздних этапов развития общества, не только для первобытного праздника или для средневековых карнавалов. Однако применительно к праздникам, бытующим при тоталитарных режимах, это справедливо лишь отчасти. Скорее, речь идет не о потере авторитета действующих властей (хотя бы и на время), но о еще большем закреплении и легитимации этого авторитета за счет «богов» и их славных деяний. На таких празднествах правители настоящего получают сакральное значение правителей прошлого и тем самым гарантируют свое будущее.

В то же время и сами праздники обладают собственной мифологической аурой. С течением времени складываются история появления праздника (в данном случае речь идет не о фактической истории,

а именно о мифологической), традиции его празднования, расставляющие акценты и закрепляющие праздники в культурном пространстве и памяти. Вновь появившимся праздникам необходимо создавать «историю», тем самым упрочивая их положение в общественном сознании. «Любой миф о происхождении дает нам и обосновывает какую-либо «новую ситуацию» – новую в том смысле, что она не существовала с самого начала мира. Мифы о происхождении продолжают и делают более полным и завершенным космогонический миф: они рассказывают, каким образом этот мир был изменен, обогащен или обеднен» [5, с. 26]. Такие мифические рассказы о происхождении либо об изменении мира не исчезли с первобытной культурой, они продолжают бытовать и сейчас. Приведу пример подобного современного мифа о происхождении. День защитника Отечества, отмечаемый 23 февраля, возник в 1918 году как день рождения Красной Армии. Но ни 23 февраля 1918 года, ни в другие ближайшие к этой дате дни Красная Армия не одерживала побед над кайзеровскими войсками Германии. Более того, самой Красной Армии тогда еще не существовало. 23 февраля было объявлено Днем Красной Армии только в 1922 году. С 1946 года он стал называться Днем Советской Армии и Военно-Морского флота.

Любые обосновывающие истории Ассман называет «мифом»; «прошрое, закреплённое и интериоризованное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно независимо от того, фиктивно оно или действительно» [4, с. 80].

История, ставшая мифом, претендует на нормативность и обладает формирующей силой. Создание «истории» праздника, снабжение его мифологической аурой, а вместе с тем и создание нового варианта историко-культурной памяти имеют огромное значение и с точки зрения укрепления государственной идеологии. «Праздник – это, главным образом, символическая игра, которая реориентирует практику в направлении мифа, придающего ей смысл» [5, с. 69]. Немецкий исследователь советской культуры Штеффан Плаггенборг приводит в своей работе один из планов празднования 1 Мая 1919 года (план этот не был реализован, но его содержание весьма показательное), которым предусматривалась постановка мифа о Прометее. «Легенда о Прометее, добывшем для людей огонь, связывалась в ней со сказаниями о рождении солнца весной. Вслед за мрачной сценой, изображавшей порабощение людей идолом, следовала сцена, в которой из гущи народа появляются красноармейцы и сокрушают идола, прогоняют его прислужников и освобождают от оков Прометея, одетого в характер-

ную синюю блузу рабочего. Вздвигается красное знамя освобождения человека, несущего мир и радость. Отряд разбивает свое оружие, тягостный, старый пережиток в царстве света и красоты, потому что не будет больше рабства на земле. Появляются мальчики и девочки в белых одеждах, поют и танцуют, и праздник заканчивается общим исполнением "Интернационала"» [6, с. 30].

Несмотря на то, что в этом плане было отражено немало «идентификационных» моментов, план этот не был осуществлен, очевидно, по той причине, что миф о Прометее не находил широкого отклика у народных масс. В связи с этим Плаггенбург отмечает, что подобные инсценировки вряд ли служили созданию революционного мифа. Каждая эпоха создает свою мифологию, и зачастую она основывается на современном материале, подобно системе знаков и символов, складывающейся в каждой конкретной культуре. И как значение того или иного символа одной культуры не будет понято другой культурой без соответствующей подготовки, так и использование «чужой» мифологии не будет иметь должного эффекта. Несмотря на неостребованность античной мифологии в советское время, процесс мифологизации истории все же имел место, он находил свое выражение в том числе и в праздничной культуре, утверждая через «красный календарь» новую систему мифов в культурной памяти поколений. Как пишет Новиков, «мы живем уже в постидеологическую эру, когда новые режимы и новые политические элиты прямо не объявляют о замене одной идеологии на другую. Но помимо «словесной идеологии» есть еще идеология символов, язык сакральных и сакраментальных культов, находящих свое выражение, прежде всего, в артефактных событиях (праздниках)» [7, с. 212]. Артефактами автор называет все праздники, возникшие «после исторических действий, предметом которых они пытаются стать». Здесь важны уже не сами исторические события, важны отношение к ним, их интерпретация. Подобное произошло с празднованием 9 Мая. Победа в Великой Отечественной войне стала еще одной точкой отсчета истории, режим интерпретировал ее как собственную победу. Безусловно, это не было полностью мифом, понимаемым как вымысел. Другое дело, что имела место расстановка необходимых власти акцентов в историческом материале.

Точку отсчета как точку опоры ищет и современная власть, создавая свой праздничный календарь. В символике современных официальных праздников нет явных идеологических акцентов. Прежде всего это связано с тем, что в постсоветском обществе не выработана

четкая идеологическая платформа современной власти. Хотя в последние годы можно наблюдать тенденции, схожие с теми, что были характерны для советского общества, когда власть посредством праздничного календаря и мифологизации легитимизировала себя и закрепляла вновь установленную структуру общества. Так, учрежден целый ряд Дней воинской славы России, призванных подчеркнуть преемственность культуры, развить в обществе уважение к российской истории и патриотизм. Масштабные торжественные мероприятия, приуроченные к тем или иным праздникам, призваны укрепить в обществе ощущение принадлежности к России как сильному государству.

В современной России историческому и культурному наследию уделяется повышенное внимание. В праздничной культуре одним из ярких тому примеров является установленный в 2005 году День народного единства (4 ноября), демонстрирующий «извлечение» исторических фактов, событий, придание им современного смысла и снабжение соответствующей мифологической аурой. Создание «истории» праздника, а вместе с тем и нового варианта историко-культурной памяти имеет огромное значение с точки зрения укрепления государственной идеологии, а также закрепления праздника в общественном сознании. Предполагалось, что объектом сакрализации нового праздника станет некое «единение», «народное единение», но дело в том, что метафизическая категория не может быть сакрализована, объект должен быть конкретным или символическим. Ни того, ни другого не было предложено взамен праздника Октябрьской революции – символа социального равенства и справедливости.

В российском обществе День народного единства воспринимается очень неоднозначно. Для большинства этот праздник стал еще одним выходным днем и не несет никакой смысловой нагрузки. Это подтверждают и данные социологических опросов, согласно которым только половина россиян знает о том, какой праздник отмечается 4 ноября. Искусственное создание праздничной даты вызвало необходимость объяснения ее истории и значения для населения, чего не требуют праздники сформировавшиеся, а не «сформированные».

Официальное информационное сопровождение Дня народного единства связано с событиями польской интервенции начала XVII века и победой над интервентами народного ополчения под предводительством Минина и Пожарского. Событие, конечно, значимое, однако в памяти населения оно уже не вызывает никаких ассоциаций, а потому и праздник, ему посвященный, не находит живого отклика. Это об-

стоятельство, безусловно, понимают и власти, установившие новый праздник, и поэтому делается все необходимое для того, чтобы растолковать смысл этого дня и его историческую важность. Все информационные сообщения, оповещающие о приближении Дня народного единства и программе его празднования, как правило, сопровождаются следующей «легендой» (оформление, конечно, может варьироваться, но основа сохраняется): этот праздник историей возникновения обязан 4 ноября 1612 года, когда воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав тем самым образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе. С тех пор 4 ноября является национальным праздником, но по традиции того времени он назывался Днем иконы Казанской Божией Матери, перед которой молились ополченцы накануне решающей битвы. Таким образом, утверждается не столько новизна праздника, сколько возвращение к истокам.

На возвращении забытой даты делают акцент и представители Русской Православной Церкви. Надо отметить, что Московский Патриарх выступил одним из инициаторов этого «возвращения». С момента учреждения Дня народного единства накануне его празднования нередко проводятся дебаты, посвященные тому, насколько необходима эта праздничная дата, что за ней стоит, и может ли она стать столь же значимой для современной России, сколь значимо было 7 Ноября для России советской.

Создание особой истории праздника, его мифологизация традиционны. В то же время смена мифологии (а в случае с Днем народного единства и смена даты, пусть и близкой к существовавшей ранее) демонстрирует процесс ремифологизации, модернизации праздничной культуры. Сейчас ко Дню народного единства организуются разного рода мероприятия в основном патриотической направленности, снимаются и выходят в прокат (причем обязательно на общедоступном официальном канале) фильмы, нередко – псевдоисторические. Делается это, очевидно, с целью закрепить в общественном сознании значимость событий, к которым должна отсылать дата 4 ноября. Об особой новизне подхода со стороны государства говорить не приходится, однако, есть и отличия. Если советская власть во многом строила культурную политику на отрицании роли церкви и религии в целом, то сейчас мы можем наблюдать обратный процесс: сближение церкви и государства и в ряде случаев даже опору государства на цер-

ковь, как символизирующую традицию и культурно-историческую преемственность.

Еще одной отличительной особенностью современной ситуации является то, что если советская власть четко обозначала свою идеологическую позицию и уже исходя из этого работала с населением, в том числе, выстраивала стратегию в сфере культуры, то современная Россия такой цельной идеологической платформы до сих пор не имеет. Хотя отдельные попытки ее создания предпринимаются. Пока же в основу празднования 4 Ноября положено несколько абстрактное понятие «единство». Отсюда и появление различных новых праздничных «сценариев», обыгрывающих «единство», в зависимости от того, что под этим понимают конкретные организаторы праздничных мероприятий. Взрослое население весьма скептически относится к новому празднику, поскольку в их памяти еще сохранились воспоминания о традициях празднования 7 Ноября, и 4 Ноября не вытеснило их за столь короткий срок. Молодое же поколение, зачастую не зная, что надо отмечать 4 Ноября, в то же время уже не знает, какой смысл несет празднование 7 Ноября. События 1917 года, дни Октябрьской социалистической революции представляются им чуть ли не столь же «древней» историей, как и события польской интервенции XVII века, они уже не вызывают отчетливых ассоциаций у поколения, не заставшего даже конец советской эпохи. Поэтому гораздо проще заложить новые традиции празднования именно в сознание молодых людей.

Еще одним примером оформления праздника с помощью мифа служит День памяти святых Петра и Февронии – всероссийского Дня супружеской любви и семейного счастья, отмечаемый в России 8 июля.

По церковному календарю 8 июля – День святых Петра и Февронии, чья любовь друг к другу считается эталоном семейного счастья. Большинство исследователей отождествляют Петра и Февронию с известным по летописям муромским князем Давидом Юрьевичем и его супругой Евфросинией. Инициатива проведения праздника принадлежит жителям города Муром, где захоронены тела святых Петра и Февронии. Эта идея была поддержана депутатами Государственной Думы РФ, и в 2008 году праздник получил официальный статус. Появление этой даты в праздничном календаре вписывается в политический курс, объявленный государством. Куратором празднования Дня Петра и Февронии стала супруга действующего Президента России.

Новый праздник должен стать своего рода альтернативой Дню влюбленных (День святого Валентина), который православная церковь не признает. Появление Дня св. Петра и Февронии, представ-

ляющего собой симбиоз церковного и государственного праздника, могло бы возродить, реконструировать эту систему традиционных ценностей, и в то же время данный праздник находится в русле провозглашаемой государственной политики, направленной на повышение рождаемости в стране и укрепление института семьи. Перспективы закрепления «установленного сверху» праздника довольно неясны. Тому есть несколько причин. Во-первых, появление Дня памяти св. Петра и Февронии не носит органического характера, что противоречит сущности праздника. Во-вторых, всероссийский День супружеской любви и семейного счастья, совершенно очевидно, направлен на более взрослую часть населения, тогда как День св. Валентина, культивирующий исключительно романтические отношения, традиционно отмечает молодое поколение, подростки, не задумывающиеся о создании собственной семьи. В-третьих, складывающаяся социокультурная ситуация в России в целом не поддерживает тех ценностей, которые призван укрепить в обществе новый праздник, а, скорее, наоборот, отрицает их.

Говоря о мифе как о способе объяснения мира, мирового устройства, и о его актуализации как возвращения к сакральному переживанию, истокам, можно рассматривать праздник как феномен культуры, позволяющий соответствующим образом пережить заново это «возвращение к первоначалам». В этом смысле хронотоп праздника обеспечивает условия такого переживания и приобщения к изначальному сакральному.

Библиографический список

1. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с франц. / М. Элиаде. М., 2000.
2. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. М., 2003.
3. Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. / П. Рикер. М., 2004 (Французская философия XX века).
4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской / Я. Ассман. М., 2004.
5. Жигульский К. Праздник и культура / К. Жигульский. М., 1985.
6. Плаггенборг Шт. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. Ирины Карташевой / Шт. Плаггенборг. СПб.: Журнал «Нева», 2000.